

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-254-275
УДК 821.161.1

**«Злейший черносотенник и тупица,
он окончательно разложился...»:
И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е гг.)***

© 2019, А.В. Бакунцев

Аннотация: В статье раскрываются причины ненависти И.Ф. Наживина к И.А. Бунину, которая обнаружила себя в середине 1930-х гг. Развернутая Наживиним антибунинская кампания представлена как многоходовая комбинация. Наживин порочил корифея эмигрантской литературы в личной переписке с М. Горьким, М.А. Алдановым, М.А. Осоргиным, С.Г. Сватиковым, в критико-публицистических произведениях, предназначенных для печати, но не опубликованных, а также в романе «Неглубокоуважаемые» (Тяньцзин, 1935). Статья основана на малоизвестных материалах из фондов РГАЛИ, ГАРФ, РАЛ и Библиотеки международной современной документации (La bibliothèque de documentation internationale contemporaine, Paris — Nanterre).

Ключевые слова: И.Ф. Наживин, И.А. Бунин, эмиграция, травля, переписка, «Уездный моншер», «Неглубокоуважаемые».

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев, к.ф.н., доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: auctor@list.ru

Цитирование: *Бакунцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»: И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е годы) // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 254–275.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-254-275

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00289).

По свидетельству Г.Н. Кузнецовой¹, вскоре после присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии Н.А. Тэффи придумала шутовское выражение: «Общество обиженных Буниным», — имея в виду тех, кто был недоволен распределением сумм, выделенных писателем для вспомоществования нуждающимся эмигрантам. Однако в шутке Тэффи была, как говорится, лишь доля шутки: некое подобие такого «общества» действительно существовало, причем не только в эмиграции.

Недоброжелателей и клеветников у Бунина хватало задолго до нобелевских лавров, не перевелись они и после его смерти. Имена наиболее «зlostных» бунинских недоброхотов хорошо известны: это Н.Н. Берберова, В.С. Яновский, В.В. Набоков, оставившие о Буине весьма едкие, пристрастные и далеко не во всем правдивые воспоминания. Неприязнь к Буину питали также В.В. Вересаев, И.М. Василевский (Не-Буква), З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, П.Н. Милюков, М.И. Цветаева, М.А. Осоргин, С.П. Мельгунов, историк, публицист, общественный деятель С.Г. Сватиков, историк русского масонства В.Ф. Иванов, дочь поэта Д.М. Раггауза — актриса и поэтесса Т.Д. Клименко-Раггауз. Насмешливо-пренебрежительные нотки в адрес Бунина звучат также в мемуарах И.В. Одоевцевой и З.А. Шаховской (несмотря на то, что в целом обе были расположены к нему доброжелательно). Были у Бунина недруги и среди рядовых обывателей, чьи имена либо просто неведомы, либо ничего не говорят даже узко ориентированным специалистам².

Человек, о котором пойдет речь в нашей статье, тоже входил в коргору «бунинофобов» и даже в определенном смысле — по накалу своей ненависти к Буину — превзошел их всех. Пожалуй, он был единственным среди них, кто уже при жизни мэтра осмелился замахнуться на его общественно-литературную репутацию и с упорством, достойным лучшего применения, тщился разрушить ее в личной переписке, публицистике, критике, литературно-художественном творчестве. Имя этого человека — Иван Федорович Наживин (1874–1940)³.

¹ См. ее письмо к А.К. Бабореко от 12 октября 1971 г. (*Бабореко А.К.* Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993. С. 137).

² В числе таких обывателей — зять Л.Н. Толстого князь Н.Л. Оболенский (см. его письмо к И.Ф. Наживину от 26–28 ноября 1933 г.: РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 3. Ед. хр. 105. Л. 10), некто В.К. Александров (см. его письмо к Л.Ф. Зурову от 10 декабря 1938 г.: *Жокина О.* Литературное турне И.С. Шмелева по Прибалтике. Приложение // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. Белобровцева. М., 2010. С. 252–253), полуанонимный автор злопыхательского письма от 24 ноября 1936 г. в редакцию газеты «Последние новости» по поводу печально известного инцидента в Линдау (см.: ГАРФ. Ф. 6845. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 25–27 об.) и др.

³ Думается, излагать биографию Наживина излишне: это уже сделано другими исследователями, притом весьма обстоятельно. Наиболее полную на сегодня библиографию работ о Наживине см.: Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы.

«С моей стороны нет против Вас ничего...»

Наживин познакомился с Буниным в конце 1918 — начале 1919 гг. в Одессе. «На днях был Наживин, — читаем в дневнике В.Н. Муромцевой (запись от 30 декабря 1918 г. / 12 января 1919 г.). — Коренастый, среднего роста человек, с широким лицом и довольно длинным носом. Он производит впечатление человека с еще большим запасом жизненных сил, хотя по виду он немного сумрачный благодаря большим, нависшим, немного толстовским бровям»⁴.

В Одессе Наживин пробыл недолго: уже в феврале 1919 г. он с семьей переехал в Геленджик. Вторично судьба свела Наживина с Буниным в Белграде весной 1920 г. После этого жизненные пути двух писателей разошлись навсегда. Тем не менее эпистолярное общение между ними продолжалось — пусть и с перерывами — до 1927 г., причем со стороны Наживина оно было более интенсивным: в Бунинской коллекции РАЛ сохранилось 29 наживинских писем, в то время как в личном фонде Наживина в РГАЛИ имеется только три бунинских послания (одно из них — в виде фрагмента), хотя, несомненно, были и другие — об этом ясно говорит содержание некоторых писем Наживина⁵.

Из переписки Наживина с Буниным видно, что их взаимоотношения были неровными. Однако ни эта переписка, ни ряд фактов историко-биографического свойства не дают внятного ответа на вопрос, что стало

Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 317–318. В дополнение к перечисленным там работам назовем еще одну: *Трубникова Е.М.* Наживин // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 4 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М., 2008. С. 194–218.

⁴ Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. Т. 1 / Под ред. М.Э. Грин; вступ. ст. Ю.В. Мальцева. М., 2004. С. 170.

⁵ Переписка Бунина с Наживиным опубликована частями и притом не полностью (см.: Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920). С. 317–332; И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., коммент. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл. В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 277–326). Неопубликованными почему-то оказались два письма Наживина к Бунину, одно из которых совсем не имеет даты, другое датировано 17 марта без указания года, оба написаны в Париже. Первое из этих посланий (в Бунинской коллекции оно значится под № 23) В. Куденис датирует 23 июля 1924 г., второе (№ 28) — 17 марта 1930 г. Эти письма только упомянуты и скупо процитированы в предисловии ко второй из указанных публикаций (см.: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 279, 281, 282). Однако предложенная биографом Наживина датировка представляется спорной. С.Н. Морозов в переписке с автором данной статьи, основываясь на фактах, высказал предположение, что письмо № 23 могло быть написано либо до 29 апреля, либо после 6 ноября 1924 г. — именно тогда Наживин мог застать Бунина в Париже (из письма следует, что оба присутствовали на одном и том же публичном собрании), — а письмо № 28, вероятнее всего, написано 17 марта 1927 г., вскоре после выхода бунинского сборника «Последнее свидание» (Париж, 1927).

причиной той безудержной, жгучей ненависти Наживина к Бунину, которая обнаружила себя в середине 1930-х гг. Ведь Бунин не только не причинял Наживину никакого зла, но, напротив, проявлял к нему — по крайней мере, в первые годы знакомства — особое и во многом незаслуженное участие, искренно считая его «талантливым и умным русским писателем»⁶.

Когда осенью 1919 г., после выхода наживинской брошюры «Что же нам делать?» (Ростов-на-Дону; Одесса, 1919), против ее автора ополчилась вся демократическая печать Одессы и И.М. Василевский (Не-Буква) в газете «Современное слово» обозвал его «лысой душой» (за ряд высказываний откровенно антисемитского свойства), именно Бунин заступился за Наживина, отстаивая его право на собственное, независимое мнение, чем вызвал шквал критики со стороны левых уже в свой адрес⁷. А в начале 1920-х гг., уже в эмиграции, Бунин пытался содействовать Наживину в печатании его произведений.

Несмотря на всё это, *искреннего* расположения к Бунину Наживин, похоже, никогда не испытывал. Иначе трудно объяснить тот непостижимо-, а порой и нестерпимо-фамильярный тон, каким пронизаны почти все его письма к мэтру за 1919–1922 гг. Они то нарочито-небрежны, то безоговорочно-требовательны, то нагло-высокомерны. И при этом почти в каждом из них «просвечивает» недоброжелательство, нарастающее раздражение, балансирование на грани эмоционального срыва, скандала, истерики. Возникает естественный вопрос: почему?

Дело в том, что Наживин, мечтавший в первой половине 1920-х гг. направить идейную и культурную жизнь эмиграции в определенное, одному ему ведомое русло, уговаривал Бунина стать своего рода духовным лидером русского зарубежья и объединить вокруг себя разрозненные, а то и враждующие меж собой эмигрантские литературные и политические группировки. Однако Бунина подобная роль не прельщала, наживинские замыслы не вызывали в нем сочувствия: он не хотел поступаться личной и творческой свободой, становиться марионеткой в чьих бы то ни было руках, что было бы неизбежно, прими он предложение Наживина. Кроме того, Бунина не могла не раздражать «фирменная» наживинская фамильярность. Потому-то, надо полагать, его письма к Наживину были, с одной стороны, предельно сдержанны, а с другой — не столь регулярны, как того хотелось адресату.

⁶ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М., 2000. С. 40.

⁷ См., напр.: [Б.н.] Правогазетный шаблон // Одесские новости. 1919. № 11055, 10 (23) нояб. С. 2; [Б.н.] Маленький человек в большом писателе // Одесские новости. 1919. № 11058, 13 (26) нояб. С. 1.

С большой долей уверенности можно утверждать, что эти два обстоятельства были расценены болезненно самолюбивым Наживиним как пренебрежение к собственной персоне. И всё же в 1920-х гг. он еще держал себя в руках и старался сохранить хотя бы видимость добрых отношений с Буниным. Некоторые свои книги, отправляемые на улицу Жака Оффенбаха, 1, он надписывал едва ли не подобострастно: «Дорогому И.А. Бунину, любимому писателю моему, на нестрогий суд...», «Дорогому Ивану Алексеевичу Бунину от большого почитателя его...»⁸ В 1924 г. Наживин, нескрываяемо обиженный действительным или мнимым нежеланием мэтра узнать его на каком-то публичном собрании в Париже, тем не менее заверял своего «обидчика»: «...Бунин для меня Буниным и остался, так что с моей стороны нет против Вас ничего»⁹.

Долго зревший нарыв наживинской ненависти прорвался в конце 1933 г., когда пришла весть о присуждении Бунину Нобелевской премии. Вероятно, именно в ту пору Наживин и начал вынашивать план «страшной мести» несостоявшемуся духовному вождю русской эмиграции.

Как отмечают биографы Наживина, этот «талантливый и умный русский писатель», ученик и последователь Л.Н. Толстого, издавший свыше 40 томов своих сочинений, был не только болезненно самолюбив, но и столь же болезненно (если не сказать — патологически) завистлив. Бунину он завидовал, скорее всего, с самого начала своей литературной карьеры, причем (как это часто бывает с людьми подобного склада) своей зависти пытался придать вид высокой, гражданской взыскательности. Так, бунинскую «деревенскую» прозу Наживин и до, и после Октября, по-видимому, непритворно считал «злостной болтовней человека в фуражке с красным околышем»¹⁰, намекая на ее будто бы «барский», «узко-дворянский» характер. По крайней мере, именно так он отозвался о ней в письме к Бунину от 7 сентября 1920 г., словно забыв, что за полтора года до этого, еще в Одессе, при первой личной встрече с мэтром говорил ему (согласно записи в дневнике В.Н. Муромцевой от 30 декабря 1918 г. / 12 января 1919 г.): «Вот <...>, Иван Алексеевич, как я раньше вас ненавидел, имени вашего слышать не мог, и всё за народ наш, а теперь низко кланяюсь вам. <...> И как я, крестьянин, не видел этого, а вы, барин, увидали. Только вы один были правы»¹¹.

В 1927 г. Наживин точно так же «забудет» свои же слова о «злостной болтовне человека в фуражке с красным околышем» и воздаст хвалу (искреннюю ли?) бунинским рассказам о народе, включенным в сборник

⁸ Цит. по: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 322, 323.

⁹ РАЛ. MS.1066/4004. Копия письма любезно предоставлена Р. Дэвисом и С.Н. Морозовым.

¹⁰ Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920). С. 330.

¹¹ Устами Буниных. Т. 1. С. 171.

«Последнее свидание»: «Бесподобные страницы! Но никогда, никогда, никогда не будет понята “интеллигенцией”, т.е. Вашими читателями, их жуткая красота и их *правда*, от которой волосы встают дыбом: поймут их только те очень немногие, которые, как Вы, действительно видели наш народ, то ядро каторжника, которое приковано к нашей ноге. <...> Спасибо за хорошую книгу»¹². А в середине 1930-х гг. столь же «гражданственно» обрушится на всё эмигрантское творчество Бунина с «Жизнью Арсеньева» во главе, обвинит мэтра в том, что в эпоху великих потрясений тот не дал ничего стоящего, не дал поистине значительного произведения, в котором отразились бы эти катаклизмы (намеренно замалчивая при этом и «Великий дурман», и «Окаянные дни»), и не раз попрекнет Бунина именно его дворянской «фуражкой с красным околышем».

Вообще при сопоставлении наживинских высказываний о Бунине как писателе невольно напрашивается вывод либо о непоследовательности, либо о беспринципности их автора. Впрочем, удивляться не приходится, особенно с учетом тех идейно-политических зигзагов, которые Наживин проделал за время пребывания на чужбине, многократно меняя убеждения, друзей, места жительства, стремясь из всего извлечь выгоду и не умея ни с кем надолго поладить.

«Земских начальников надо хоронить...»

Кампания против Бунина, развернутая Наживиным в 1934–1936 гг., носила характер многоходовой комбинации. Начало ей было положено в переписке с коллегами по цеху, которые хорошо знали Бунина, а в некоторых случаях, подобно М. Горькому и М.А. Алданову, в разное время были с ним накоротке. Например, Горькому 31 мая 1934 г. Наживин писал, что Бунин «стал невыносимо гнусен: спустился ниже всякого земского начальника»¹³. Письма к Алданову, которого Наживин выделял из числа прочих писателей-эмигрантов (вероятно, за его беззаветную любовь к Л.Н. Толстому), пестрят еще более резкими, уничижительными характеристиками («б<ывший> Бунин»¹⁴ — самая невинная среди них). Вне всяких сомнений, подобная бестактность была умышленной: Наживин демонстративно не желал считаться с тем, что Алданов не только дружил с Буниным, но и по-настоящему любил его как писателя и человека.

¹² РАЛ. MS. 1066/4005. Курсив Наживина. Копия письма любезно предоставлена Р. Дэвисом и С.Н. Морозовым.

¹³ М. Горький и И.Ф. Наживин. Переписка / Вступ. ст., публ., примеч. Н.Н. Примочкиной // С двух берегов. С. 651.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 2.

Вот несколько наиболее показательных наживинских суждений о Бунине, встречающихся в его посланиях к Алданову (нам они известны по машинописным копиям, которые хранятся в личном фонде Наживина в РГАЛИ).

17 ноября 1934 г., раскрывая причины своей неприязни к Милюкову и критикуя Алданова за будто бы чрезмерную терпимость к собратьям по перу, Наживин, между прочим, замечал: «В частной жизни, за рюмкой водки, и Бунин приятен, пока не впадает в матерный стиль (замечательно, мои мужики-владимирцы при мне НИКОГДА не осмеливались впадать в этот стиль), но это нисколько не обязывает меня слепнуть и не видеть его творческое бессилие и ничтожество»¹⁵. «Бесплодной смоковницей, комм эн икон су сон образ»¹⁶ назван «Иван де Бунин» в наживинском письме от 19 марта 1935 г.¹⁷ По мнению Наживина, самым убедительным доказательством бунинской деградации служила «Жизнь Арсеньева». «Это не литература, — писал он Алданову 27 марта 1935 г., — а словесные бирюльки. Зачем он их точит, я не знаю. <...> Когда я вспоминаю этот гимн Земскому Начальнику <т.е. великому князю Николаю Николаевичу-младшему>¹⁸, у меня в глазах зеленеет¹⁹. А это утверждение Пушкина как “нашего”, “дворянского” поэта²⁰. Дурак он и больше ничего. И как его многие теперь ненавидят за эти шальные выходки». В том же письме по поводу избрания Бунина нобелевским лауреатом говорится: «Гадость вышла. Земских начальников надо хоронить. Впрочем, всё равно сопьется. Это им всем на роду написано»²¹.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Придуманное Наживиним французско-русское выражение: *comme un (правильнее — une) icône sous son образ*, — смысл которого не вполне ясен. Возможные варианты перевода: сам себе икона; жалкое подобие себя самого. Подобное язвительное «идиомотворчество» — одна из особенностей наживинского языка.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 16об.

¹⁸ Имеются в виду заключительные главы 4-й книги «Жизни Арсеньева».

¹⁹ Особо отметим, что эти слова принадлежат человеку, который в начале 1920-х гг. примыкал к монархистам и даже участвовал в знаменитом Рейхенгалльском съезде!

²⁰ Наживин тенденциозно толкует строки из VIII главы 3-й книги «Жизни Арсеньева», где сказано: «Пушкин <...> был для меня вовсе не чтением, а подлинной частью моей жизни. <...> Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне “нашего” по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал, казалось мне, всё только наше, для нас и с нашими чувствами. Буря, что в его стихах мглою крыла небо, “вихри снежные крутя”, была та самая, что бушевала в зимние вечера вокруг Каменского хутора. Мать иногда читала мне с грустной и ласковой улыбкой: “Вчера за чашей пуншевою с гусаром я сидел” — и я спрашивал: “С каким гусаром, мама? С покойным дяденькой?” Она читала: “Цветок засохший, безуханный, забытый в книге, вижу я” — и я видел этот цветок в ее собственном девичьем альбоме...» (*Бунин Ив. Жизнь Арсеньева: Истоки дней*. Париж, 1930. С. 176–177). Под словом «наш» Бунин, несомненно, разумел не «дворянский», а «семейный», «домашний», «родственный».

²¹ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 17об.–18.

В стремлении любой ценой опорочить мэтра Наживин не знал меры, не гнушался ничем, вплоть до откровенной лжи и клеветы. Так, в письме к Алданову от 26 ноября 1934 г. он утверждал, что накануне отъезда из Парижа в Берлин А.Н. Толстой будто бы писал ему, что «Ваня Бунин, земский начальник, спасает духовную культуру своими акафистами пьяному псарю»²², т.е. опять-таки великому князю Николаю Николаевичу-младшему. Ничего подобного Толстой, разумеется, написать не мог — просто потому, что решил «сменить вехи» за 8 лет до того, как в «Современных записках» появилась 4-я книга «Жизни Арсеньева», финальные главы которой и содержат так называемый «акафист пьяному псарю».

Лгал Наживин и своим явным единомышленникам, в числе которых был, например, С.Г. Сватиков. В письме к нему от 19 января 1936 г. Наживин «качался»: «И что меня угрызает накануне ухода — мне 62-й <год> — это то, что я весьма повинен в получении “нашей славы” премии Нобеля. Она предназначалась Горькому. Старому Эммануилу Нобелю с моей — и других — помощью удалось провалить это дело. Тогда встал вопрос: так кому же — надо Россию почтить. Я тогда ничего еще не знал о верноподданнических выступлениях Ивана де Бунин и посоветывал старику Эммануилу Людвиговичу: тогда попробуйте провести хотя <бы> Бунина. Я охотнее посоветывал бы Алексея Толстого, но это было безнадежно из-за его перехода в московский лагерь. И они провели Ваньку де Каина»²³.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Наживин в переписке с Э.Л. и Г.Л. Нобелями действительно интриговал против Горького и даже предлагал устранить его физически²⁴, однако свою роль в присуждении Бунину Нобелевской премии он, мягко говоря, преувеличивал. По крайней мере, в сохранившихся письмах к нему Э.Л. Нобеля о Бунине как возможном претенденте на премию не сказано ни слова²⁵.

Отдельным «пунктом» в наживинской кампании против Бунина было приписывание мэтру то «яростного», то «хитренького» антисемитизма. В процитированном письме к Сватикову есть и такие строки: «...И заметьте: Ванька <Бунин> — яростный антисемит (с глазу на глаз), и жидки всё же тянут его вверх. Какой бардак этот наш литературный

²² Там же. Л. 13.

²³ Там же. Ед. хр. 44. Л. 1. Сохранено авторское написание слова «посоветовал».

²⁴ См., напр., его письмо к Г.Л. Нобелю от 11 февраля 1932 г.: «Опять предлагаю себя, старика (мне терять нечего уже) для организации тут, на местах, ударных дружин: убирать полпредов, торгпредов, Максимку Горького — *увеличить панику в Кремле* этими раскатами грома» (Там же. Ед. хр. 35. Л. 1; курсив Наживина).

²⁵ См.: Там же. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 1, 2.

мир»²⁶. Приведенные строки перекликаются с другими, столь же лживыми и клеветническими, содержащимися в недатированном письме Наживина к неизвестному лицу²⁷: «...видимо, жидовско-газетная сволочь (между евреями и жидами я делаю весьма большую разницу) никак не хочет мне забыть моих кубанских выступлений²⁸, в которых, однако, принимал ближайшее участие Иван де Бунин, хитренький антисемит, разговоры с которым на эти темы мною записаны и опубликованы, что и послужило причиной разрыва с ним: ему хотелось бы делать погром потихоньку, из-под кровати»²⁹.

²⁶ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 44. Л. 1.

²⁷ Есть основания предполагать, что этим лицом был М.А. Осоргин, с которым у Наживина были почти такие же странные взаимоотношения, как с Буниным и Горьким: Наживин Осоргина глубоко презирал — и все-таки зачем-то в 1932–1935 гг. переписывался с ним. В послании к Алданову от 25 июня 1934 г. Наживин отзывался об Осоргине следующим образом: «Осоргин — нарцисс, который никак собой достаточно не налюбуется, но зарядов для боя у которого нет совсем. Он ограничен и совершенно лишен творческой фантазии, без которой писатель сразу превращается в писаря» (Там же. Ед. хр. 19. Л. 1). В письме от 18 октября 1934 г. читаем: «Осоргин — ничтожество и как человек, и как писатель. Он даже совсем не писатель, а литератор, омм де леттр <homme de lettres (фр.)>» (Там же. Л. 7). В письме от 2 декабря того же года Осоргин назван «слабеньким — умом и талантом» (Там же. Л. 16 об.). Примерно так же Наживин характеризовал Осоргина и в своих произведениях, предназначенных для печати. Осоргин, зная натуру Наживина, не слишком с ним церемонился. Например, 3 августа 1933 г. в ответ на наживинское предложение «работать вместе» Осоргин писал: «Что же касается до Вас, Иван Федорович, то разве же можно с Вами совместно работать? Вы — присяжный ругатель, часто — за дело, чаще — зря, и притом грубо. Прямота, надуешь, и мне свойственна, но грубость окончательно чужда: не чувствую в ней потребности. Окатывали всякими словами Алданова — а потом ему пишете письма и сами же называете его “живым”. Вероятно, и со мной так же поступаете. В счет Вам этого я не поставлю (по привычке и равнодушию), но другие не могут не поставить, и ведь они правы! Как же иметь с Вами дела? Любите Вы себя; Ваше право; я тоже себя люблю, хоть и не так уж пламенно. А кому Вы что сделали? Простите, я этого не знаю, не слыхал. Но ведь таковы же и другие: себе помогали, на других плевали. Одно в Вас цену очень: милостыни не просите, не прибегаете к благотворительности, а бьетесь за себя и свое писательство. Охотно бы бился с Вами рядом, но, повторяю, очень уж трудно с Вами ладить» (Там же. Ед. хр. 87. Л. 1 об.). Переписка была прекращена по инициативе Осоргина: в письме от 6 июля 1935 г. он уличил Наживина в «глупой неправде» (см.: Там же. Л. 7). Через два с небольшим месяца, в середине сентября того же года, отношения с Наживиным порвал и Алданов.

²⁸ Очевидно, имеется в виду работа Наживина в Отделе пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на юге России, а также его брошюры, изданные в годы Гражданской войны.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 31. Не лишним будет сопоставить это утверждение с тем, что сам Наживин писал Бунину еще 8 июня 1920 г.: «Вы знаете, я не антисемит ни на йоту, и я готов это сказать с высоты Arc de Triomphe всем, urbi et orbī, но я полагаю, что вместе со многими уродствами “старого режима” умерло и то нестерпимое уродство, что от имени русского народа его защитниками, вождами и истолкователями преимущественно выступали Айзенштадты и Гильденштерны. Я не хочу лишить и их права голоса, но с этой их “naglesse impostigible” должно быть покончено. В Белграде Вы не раз восклицали: “О, евреи, это сила!..” Не спорю, но сила их только в нашей слабости и разобщенности, от нас зависит, и без большого труда даже, если не совсем сломить эту злую силу, то, по крайней мере, внести

Так спустя годы автор брошюры «Что же нам делать?» «отблагодарил» своего заступника перед лицом левой одесской печати, взбудораженной ее неоднозначным содержанием.

«Статья о Бунине нужна...»

Разумеется, Наживин не мог удовлетвориться эпистолярной травлей Бунина: его истинной целью была *публичная* расправа над корифеем эмигрантской литературы.

В книге воспоминаний З.А. Шаховской «Отражения» говорится, что уже «во время избрания Бунина нобелевским лауреатом» Наживин «написал статью — нигде не напечатанную — “Стокгольмские идиоты, или Венчание мертвеца”»³⁰. По мнению В. Кудениса, «Шаховская ошиблась в названии статьи (“Уездный моншер”), но дала точное определение ее содержания». Далее исследователь пишет: «Статья должна была войти в книгу “Материалы по истории новейшей русской литературы”, над которой Наживин в это время работал и в которой он писал обо всем том, что ему не нравилось в русской (эмигрантской) литературе»³¹. Однако оба эти утверждения, при всей их категоричности, являются не более чем гипотезой В. Кудениса. Документальных свидетельств тому, что Шаховская ошиблась в названии статьи и что именно *эта* статья должна была войти в наживинские «Материалы», не существует. Неопровержимо лишь одно: с конца 1933 г. Наживин работал над двухтомным трудом под заглавием «Материалы к истории новейшей русской литературы»³², где Бунину уделялось немало внимания.

Своими замыслами Наживин делился с Алдановым; ему же он, как можно понять, присылал и фрагменты рукописи. Алданов с самого начала скептически отнесся к «Материалам» и даже пытался отговорить Наживина от их написания: «Не имею никакого права что бы то ни было советовать, но, право, мне кажется, что Вы напрасно взялись за эту книгу. Всех нас, и Вас, и Бунина, и Мережковского, и всех нас, ждет тот скромный “суд истории”, на который могут рассчитывать писатели: скажем, будущий Скабичевский. Его дело будет во всем разобрано. Вы

сильное противодействие в ее зловерное “планетарное” действие, мы должны дать голос здесь и настоящей, русской, кондовой и нисколько не черносотенной, но просто отрезвевшей и практичной России, мы должны помочь тем людям, которые, как П.Н. Врангель, борятся и умирают за эту Россию, за нас» (Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920). С. 324–325; курсив Наживина).

³⁰ Шаховская З. Отражения. Paris, 1975. С. 8.

³¹ И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 279.

³² См.: РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 1–278; Ед. хр. 9. Л. 1–260. О том, что писать эту книгу Наживин начал в указанный период, косвенно свидетельствуют некоторые письма к нему Алданова за декабрь 1933 г.

напишете страстно, сгоряча. Если б еще Вы как писатель говорили *только* о книгах других писателей, это я понял бы. Но Вы, очевидно, хотите говорить и о людях. Не могу этому сочувствовать. Для этого время не наступило, и не нам об этом писать»³³.

Однако Наживин не внял алдановским увещаниям. К июню 1934 г. он черне закончил двухтомный труд, который представлял собой собрание критико-публицистических очерков о наиболее заметных русских писателях, оказавшихся по обе стороны советской границы. Первый том «Материалов», имевший подзаголовок «Властители дум», был посвящен эмигрантской литературе и открывался обширным очерком, который первоначально назывался «Похороны Бунина»³⁴. Вероятно, в процессе авторской правки это заглавие было заменено другим, более звучным: «Уездный моншер». Тем самым Наживин наносил Бунину как бы двойное оскорбление, выступая одновременно в качестве плагиатора и ниспровергателя. «Уездными моншерами» во 2-й книге «Жизни Арсеньева» лакей Дворянской гостиницы в Ельце Михеич называет «людей с преувеличенно-барскими замашками, с подозрительно-развязной требовательностью, с низкими больше от водки, чем от барства голосами»³⁵. И Наживин не только заглавием, но и всем содержанием очерка хотел внушить потенциальным читателям, что Бунин — вовсе не «настоящий барин», а такой же «уездный моншер», бездарный писатель, дутая величина.

В этом сочинении встречаются те же «коронные» антибунинские шаблоны, что и в наживинском эпистолярии. Помимо собственно «уездного моншера» тут наличествуют и «земский начальник», и «фуражка с красным околышем», и «творческое бессилие», и «акафист пьяному псарю» (как вариант — «царственному доезжающему»), и «матерный стиль», и «хитренький/яростный антисемит»... Всё это обильно «сдобрено» с виду «праведным», а на деле завистливым негодованием по поводу «совершенно непристойного шабаша», который начался в эмигрантской прессе после присуждения Бунину Нобелевской премии; безапелляционным преуменьшением бунинской известности; высмеиванием бунинских языка и стиля; бездоказательными обвинениями в адрес писателя, будто бы тосковавшего по «исторической блевотине», под которой Наживин подразумевал разнообразные реалии «старого режима»; и проч.

Видимо, поняв, что издать «Материалы» не удастся — причем не только в эмиграции, но и в Советской России, — Наживин решил опубликовать хотя бы фрагменты этого труда (правда, Алданову в письме

³³ Письмо от 24 декабря 1933 г. (Там же. Ед. хр. 55. Л. 9; курсив Алданова).

³⁴ См.: Там же. Ед. хр. 9. Л. 19–46.

³⁵ Бунин Ив. Жизнь Арсеньева. С. 102.

от 25 июня 1934 г. он зачем-то солгал, что уничтожил оба тома). Кое-что он вкраплял в отдельные критико-публицистические произведения — например, в некий обзор эмигрантской литературы, где Бунин был назван «земским начальником», что чрезвычайно смутило и огорчило Алданова³⁶. «Я отлично знаю, — писал он Наживину 14 сентября 1934 г., возражая против его оценки бунинского творчества, — что Бунин идеализирует старую Россию. Страна была изумительная, — другой такой я не видал, изъездив весь свет, — но Вы правы, темного было много. Согласитесь же все-таки, что Бунин в старой России “воспевает” не крепостное право, не розги и не право первой ночи. А если попадают у него страницы непонятные, вроде конца “Жизни Арсеньева”, то, по совести, по человечеству это можно и понять, и простить, — реакция довольно естественная у эмигранта, который вдобавок в старой России был, как пишут в передовых статьях, “членом привилегированного сообщества”. Бунин, как все мы, грешные, человек со слабостями. Писатель же он истинно замечательный, и в той же “Жизни Арсеньева” много страниц изумительных»³⁷.

Однако Наживин стоял на своем. Ему не терпелось печатно расквитаться с нобелевским лауреатом. Еще 25 июня 1934 г. он убеждал Алданова: «Статья о Бунине нужна, потому что этот курунованный <так!> уездный моншер водит за нос тысячи дураков. Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился», — и тут же добавлял, что такая статья, «вероятно, будет напечатана в американской рабочей газете»³⁸. Возможно, Наживин в данном случае имел в виду анархистскую газету «Рассвет» (Чикаго), с которой сотрудничал в первой половине 1930-х гг. Однако это издание не стало бы помещать на своих страницах наживинский памфлет против Бунина, так как относилось к нобелевскому лауреату с искренним уважением³⁹.

Не исключено, что Наживин многократно переписывал статью о Бунине, оттачивая ее стилистику и обличительный пафос. В итоге к середине октября 1934 г. окончательный текст был готов и тоже отправлен Алданову⁴⁰. Основой для статьи послужил очерк о Бунине из «Материалов». Оттуда же было заимствовано и заглавие — «Уездный моншер»: видимо, Наживину оно представлялось наиболее удачным. Фразеология

³⁶ К сожалению, полный текст и место обнародования этого обзора (если только он был обнародован) неизвестны.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 19.

³⁸ Там же. Ед. хр. 19. Л. 1.

³⁹ См., напр.: П.С[ватикова]. Школа имени И.А. Бунина // Рассвет. 1934. № 23, 27 янв. С. 5; Бернов А. У бунинцев // Там же; [Б.н.] Вечер школы им. Бунина // Там же. № 35, 10 февр. С. 5.

⁴⁰ См. в письме Наживина от 18 октября 1934 г.: «О Бунине послал целую статью Вам» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 7).

и тон наживинских филиппик также остались прежними⁴¹. Особенно грубы финальные абзацы. В одном из них, вспоминая некую — то ли действительную, то ли вымышленную — беседу с Буниным, будто бы бившимся в истерику и требовавшим денег «на создание великих произведений», Наживин пророчесствует: «Злодейка-судьба задумала посмеяться над вами и денег вам дала. Но именно теперь-то вы и не дадите больше ничего. Раньше хоть нужда заставляла вас делать какое-то подобие работы, а теперь вы среди погибающих будете бражничать в вашем “Маджестике” <так!>⁴², спальном вагоне и у Корнилова⁴³ и будете — это у вас *spécialité de la maison*⁴⁴ — садить грязной матерщиной. В уже первом интервью вашем, данном разным демократическим прихлебателям, вы пустили осторожное словечко: “я — ленив”. Вы лжете, моншер! Вы не ленивы, но окончательно придавлены к земле темным и ужасным сознанием вашего полного бессилия. Вы — импотент⁴⁵. Вы — каплун, который, остарев, не годен даже на жаркое»⁴⁶.

В каком именно издании Наживин намеревался опубликовать свою статью, неизвестно. В переписке с Алдановым речь идет о каком-то журнале, выходившем то ли в Париже, то ли где-то еще. В письме от 26 ноября 1934 г. Наживин просил Алданова послать «Уездного моншера» по адресу, который, очевидно, был вписан от руки (на копии письма, хранящейся в РГАЛИ, эта рукописная вставка отсутствует). Однако Алданов, возмущенный содержанием статьи, отказался выполнить просьбу ее автора. «Простите меня, — писал он Наживину 1 декабря 1934 г., — я не могу переслать ее по указанному Вами адресу. Вы знаете, что я считаю эту Вашу статью ошибкой, и даже передаточной инстанцией не желал бы быть при ее печатании. Вдобавок меня с Буниным связывает 20-летняя дружба, — мне было бы неловко и сказать ему, и скрыть от него, что я переслал эту статью в журнал, — хоть, разумеется, роль передаточной инстанции почти не отличается от роли почтальона. Поэтому сегодня заказным возвращаю Ваши статьи *Вам*»⁴⁷.

Сегодня машинопись «Уездного моншера» хранится почему-то в бунинском, а не в наживинском фонде РГАЛИ. Это тем более странно, что

⁴¹ См.: Там же. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 1–15.

⁴² Имеется в виду парижский отель «Мажестик» (Majestic), где Бунин жил перед отъездом в Стокгольм.

⁴³ Имеется в виду русский ресторан «Осетр» Ф.Д. Корнилова, открытый в Париже в 1924 г.

⁴⁴ Фирменное блюдо (*фр.*).

⁴⁵ «Импотент» — одна из самых излюбленных наживинских характеристик. Импотентами Наживин в письмах и «Материалах» называл поголовно всех писателей-эмигрантов, делая исключение, пожалуй, только для себя и Алданова.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 14–15.

⁴⁷ Там же. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 25об. Курсив Алданова.

автографы бунинских писем к Наживину, как уже указывалось, остались в личном фонде последнего.

«Мощи писателя»

Неудачи с обнародованием «Материалов» и «Уездного моншера» не только не угасили в Наживине мстительный пыл, но, напротив, разожгли его еще больше, как бы вынудив «талантливого и умного русского писателя» прибегнуть к «последнему средству». Поставив целью во что бы то ни стало донести до широкой читательской аудитории свою излюбленную мысль, которую он без конца, как одержимый, повторял в «Материалах» и письмах разным лицам — что «НИКАКОЙ литературы в Париже нет, просто нет», что «все там кончилось»⁴⁸, — Наживин обратился к самому привычному для себя виду литературного творчества: он задумал и очень быстро, по своему обыкновению⁴⁹, написал роман, изданный предположительно в августе 1935 г. в Тяньцзине под заглавием «Неглубокоуважаемые»⁵⁰. Одного из своих корреспондентов (скорее всего — Осоргина) Наживин уверял: «...этот титул выдуман мною, а идет из публики»⁵¹. Под «неглубокоуважаемыми» (в дальнейшем это словечко в наживинском эпистолярно-публицистическом лексиконе стало нарицательным) в первую очередь понимались главные представители эмигрантской литературы и прессы, осевшие в Париже.

Бунин в «Неглубокоуважаемых» упоминается неоднократно. Более того, ему посвящено целых две главы (XVII и XVIII), в которых, по сюжету, главный герой романа, «в прошлом видный писатель и музыкант», Андрей Иванович Булановский, alter ego автора⁵², зачитывает на одном публичном собрании, посвященном «властителям дум» (т.е. лидерам литературной эмиграции), свой заведомо скандальный, провокационный реферат о «б<ы>вшем» русском писателе, о мощах писателя, <...> об Иване де Бунин»⁵³. Этот реферат, представляющий собой очередную — слегка подчищенную и сокращенную — версию «Уездного моншера», предсказуемо приводит к карикатурно изображенной (точь-в-точь как

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 19. Л. 20.

⁴⁹ «Вообще, месяца для романа обычного раньше мне хватало. Я запойный», — признавался он Алданову 17 ноября 1934 г. (Там же. Л. 12об.).

⁵⁰ О том, что роман должен был выйти именно в августе, говорится в наживинском письме к Алданову от 26 июля 1935 г. (Там же. Л. 21).

⁵¹ Там же. Л. 31.

⁵² Булановский — один из псевдонимов Наживина, по названию села Буланова Владимирской губернии, где Наживин ребенком часто бывал в гостях у своей бабушки.

⁵³ *Наживин Ив.* Неглубокоуважаемые: Роман. Тяньцзин: Изд-во А.И. Сербренникова и К°, 1935. С. 156.

в старом советском кино о белогвардейцах и эмиграции) потасовке, которой «публичное собрание» и заканчивается⁵⁴.

В романе также приведено (в оригинале и наживинском переводе) интервью с Буниным сотрудника брюссельской газеты «Суар» (*Le Soir*) Р. Дюпьерре, поражающее главного героя некоторыми действительно нелепыми пассажами, которые, впрочем, несомненно, возникли по вине интервьюера, а вовсе не его собеседника. Вот один из таких пассажей:

«— Я уже много рассказывал, — говорит он <Бунин> с улыбкой на своем лице веселого Макиавелли, — как те стихи удостоились в 1909 премии Пушкина и сделали из меня Бессмертного. Это было, верьте мне, совершенно неожиданно, так как я в конце концов был только поэтом своих полей. Неподалеку от меня на собрании Академии серьезный и молчаливый старик гладил свою длинную бороду. Это был Лев Толстой, мой учитель и друг. Я считаю его одним из величайших писателей всех времен. Но он направлял мои усилия не к литературе, а к земле. Однажды он увидел меня на пашне за сохой и посоветовал мне заняться лучше литературой: я пахал так плохо, что я думаю, что он был прав...

И Савонарола-Бунин весело смеется»⁵⁵.

Наживин достиг своей цели лишь отчасти: эмиграция встретила «Неглубокоуважаемых» неоднозначно. Наряду с благодарными читателями у романа было и немало противников. Эмигрантская критика его проигнорировала, что позволило автору обвинить ее в «заговоре молчания». Тем не менее Сватиков, один из немногих поклонников и единомышленников Наживина, сообщал ему 18 января 1936 г. о впечатлении, произведенном в Париже «Неглубокоуважаемыми»: «Вы, по-видимому, руководитесь правилом бл<аженого> Августина: “Если говорить правду — значит бесчинствовать, то давайте бесчинствовать”!..⁵⁶ Ваше “бесчинство” оказалось подобно бомбе, взорвавшейся в болоте. Если Вы мечтали: “Вот-то брызг-то будет!” — то успокойтесь: в Париже *вой* стоит от Вашей книги. Это искусство: на 408 стр<аница>х наступить на столько тысяч любимых мозолей. <...> А вот сколь Вы ни обляяли И.А. Бунина, а правда о нем (тщательно скрываемая, ибо это — “наша

⁵⁴ По поводу этой потасовки («скандала и драки») В. Куденис замечает, что о ней «Наживин в действительности мог только мечтать» (И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 280).

⁵⁵ Цит. по: *Наживин Ив.* Неглубокоуважаемые. С. 407. Оригинальный текст — на с. 393. Вырезку с этим интервью, без даты (*Dupierreux R. Avec Ivan Bounine, prix Nobel 1933 // Le Soir*) см. в авторизованной машинописи «Неглубокоуважаемых» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 331–332).

⁵⁶ В переписке с автором данной статьи доцент факультета журналистики МГУ Г.В. Прутков отметил, что принадлежность процитированных Сватиковым слов блаженному Августину не доказана.

гордость”) гораздо хуже всякой Вашей беллетристики. Факт! И я имею тому твердые доказательства»⁵⁷.

Обрадованный и ободренный этой вестью, Наживин уже 19 января 1936 г. отвечал Сватикову: «Здесь мне за мою новую книгу пригрозили пулей, но так как эти угрозы я слушаю уже лет 5–6, то большого впечатления на меня они не производят. И даже маленького... Но раз зашумел Париж, “столица эмиграции”, по мнению г-на Осоргина, то слава Богу: значит, на мозоль я наступил хорошо, что и было нужно. Ибо как же уйти в могилу, не сказав тяжкой правды. Зачем же тогда мы жили, если даже на краю ямы мы не посмели посмотреть правде в глаза и не сказали о ней вслух. <...> Прямо скорблю, что о Бунине я сказал не всё. Во всяком случае, я сказал решительно всё, что мне известно. А если бы мне дали дополнительные материалы, я, ни минуты не колеблясь, огласил бы их в особом прибавлении к книге. Недавно эта “наша слава” приезжала сюда, пьянствовала здесь и В ПЬЯНОМ ВИДЕ ВЫСТУПАЛА С РЕЧЬЮ О ТОЛСТОМ, как было объявлено в местном листке»⁵⁸. На самом же деле речь эта оказалась об Иване де Бунин. Все порядочные люди — а их немного — были скандализованы этим пьяным выступлением, но за Иваном де Бунин стояла вся благомыслящая — а тут благо мыслят почти все — эмиграция. Если соберется достаточно материалов для добавления, я расскажу и об этом похабстве. Непременно»⁵⁹.

Однако радость Наживина по поводу того, как были восприняты в Париже его «Неглубокоуважаемые», оказалась преждевременной:

⁵⁷ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 2 об. Эти строки Наживин впоследствии пересказывал уже в письмах, адресованных издателю «Неглубокоуважаемых» — А.И. Серебренникову, от 19 января 1936 г. (Там же. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 6), и Алданову, от 3 марта 1936 г. (Там же. Ед. хр. 19. Л. 32).

⁵⁸ Имеется в виду публичное выступление Бунина 17 ноября 1935 г. в Брюсселе. Писатель был принят русской диаспорой восторженно. Спустя два дня, 19 ноября, Бунин сообщал Н.Я. Рошину: «Меня оч-ень» чествуют. На вокзале — встреча: представители рус-ской> колонии, журналисты, фотографы (это 16-го вечером). После сего (вечером же) — обед в Рус-ском> клубе. Речи, приветствия. 17-го, в 5 часов, было мое выступление — народу пушкой не пробьешь. Читал не плохо! Овации» (Там же. Ф. 2204. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 14). Наживин на этом вечере не присутствовал. В его бумагах сохранилась копия письма к брюссельской «Инициативной группе по устройству лекций» от 3 декабря 1935 г., где говорится: «Мм. Гг., — мои знакомые, бывшие на вечере г-на Бунина, рассказали мне только что о подробностях этих веселых поминок по Толстому и обратили мое внимание на отчет о денежной стороне этого дела, помещенный в местном листке. <...> Ванька Бунин читал полупьяный» (Там же. Ф. 1115. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 2). К письму приклеена вырезка из газеты с финансовым отчетом о бунинском вечере. Согласно отчету, «путевые расходы лектора <т.е. Бунина> и его секретаря, а также расходы по проживанию в Брюсселе» составили 1500 бельгийских франков, а чистый доход — 701,70 франков. Одна половина этой суммы передавалась «в Четверговую школу при церкви св. Николая Чудотворца», другая — «в фонд будущих лекций» (Там же. Л. 1). Видимо, Наживина возмутила сумма, выплаченная Бунину.

⁵⁹ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 44. Л. 1.

«Ходят слухи, — писал ему Сватиков уже 30 января 1936 г., — что на сию книгу наложили херем, сиречь великую клятву, главные изобиженные Вами: Иван де-Бунин и др.; а именно — отчетов о ней не давать, в кн<ижные> магазины ни в Париже, ни на периферию не посылать (якобы, мол, нет ее, не слышали такой). Кому ни говорю, — а читали ли, мол, все говорят, — и не слышали, мол, а не только што читать. Так что вой-то я слышал лишь от тех, кому особенно тяжко наступлено было на хвост, а “толпа” ничего не знает из-за “бойкота молчания”. С этим Вы смогли бы и бороться, потребовавши срочного включения книги в объявления складов и в обязательный набор рассылаемых по магазинам книг»⁶⁰.

Между тем, наряду с неприятными для Наживина известиями, письмо Сватикова содержало и сведения, которые не могли не обнадежить автора «Неглубокоуважаемых». В своем послании Сватиков весьма подробно излагал обстоятельства «дела Ивана Алексеевича Бунина», на которые намекал ранее.

Суть «дела» заключалась в том, что Бунин после получения Нобелевской премии будто бы отказался пожертвовать деньги в пользу Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, к услугам которого не раз обращался прежде, в пору безденежья. По словам Сватикова, Бунин «за 10 лет перебрал в Комитете более 10 тыс. фр<анцузских> фр<анков> ссуд»⁶¹. При этом Сватиков упоминал ряд лиц, имевших прямое отношение к Комитету и вступавших в переписку с Буниным по указанному поводу, — в том числе председателя Комитета И.Н. Ефремова и секретаря С.В. Познера. «Председателю Ком<итета> пом<ощи> И.Н. Ефремову, напоминавшему *официально* <...>, И<ван> А<лексеевич> ответил длинным посланием, доказывая, что он ссуд и тем более пособий не получал, а если и брал деньги, то без обязательства возврата, бессрочно, и то это были деньги, адресованные Европой и Америкой *великим* писателям, а не литераторам вообще. Так что Комитет в долгу у *него*, ибо это ради *него* и для *него* раскошеливались иностранцы, а не он у Комитета. Так он Комитету и не вернул ни сантима! <...> Да простит Господь И<вану> А<лексеевич>чу это ненужное его жестокосердие и забвение долга чести. Секретарь Комитета Соломон Вл<адимирович> Познер глубоко запрятал и письма Бунина, и ответы Комитета, и протоколы. Всё шито-крыто»⁶².

По счастью, архив Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции не пропал. Так случилось, что он оказался разделен на две неравные части: меньшая хранится в РГАЛИ (Ф. 1569. Оп. 1. Ед. хр. 7), большая — в Библиотеке международной современной документации

⁶⁰ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 3об.

⁶¹ Там же. Л. 4об.

⁶² Там же. Л. 5об. Курсив Сватикова.

(F/DELTA/RES/0832)⁶³. Не пропали и бумаги, которые, по выражению Сватикова, «Познер глубоко запрятал». Судя по их содержанию, сватиковский «компромат» на Бунина достоверен лишь отчасти. Хронологически они относятся к ноябрю 1933 — январю 1934 гг. и представляют собой ряд писем Сватикова и Ефремова к Познеру, а также копии переписки указанных лиц с Буниным и членами Комитета по распределению его пожертвований — Н.К. Кульманом, В.Ф. Зеелером и В.Б. Ельяшевичем.

Бунинского «длинного послания», о котором идет речь в процитированном письме Сватикова к Наживину — насчет возврата полученных от Комитета ссуд, — среди названных документов нет. По всей видимости, Сватиков имел в виду письмо Бунина к Ефремову от 22 января 1934 г., копия которого приведена Ефремовым в его собственном, датированном тем же днем письме к Познеру. Согласно этой копии, Бунин писал Ефремову следующее: «Глубокоуважаемый Иван Николаевич, / Я был в числе тех, кто *основал* Комитет и состоял в числе его членов много лет. Почему мне прекрасно известно, что то, что мы давали нуждающимся писателям и ученым, *только для проформы* называлось “ссудами”. Комитет *просто раздавал* те деньги, кои он получал от разных лиц и обществ, пользуясь именами нескольких известных писателей, — в том числе и моим именем. Всё это известно и Вам. Не понимаю поэтому, зачем нужно Комитету писать мне о каких-то моих “долгах” ему, о каких-то “ссудах”, будто бы мною от него полученных, да еще с ошибками в “выметке” насчет оных (ибо, напр<имер>, 3000 фр<анков>, отнесенные Вами к июню 1920 года, никогда не были даже номинальным достоянием Комитета). / С совершенным почтением / (подписано) Ив. Бунин. / 22.1.1934 г.»⁶⁴.

Этому тексту предпослана весьма пессимистичная «преамбула»: «Глубокоуважаемый и дорогой Соломон Владимирович, / Вы были правы в том отношении, что нуждающиеся писатели и ученые ничего не получают вследствие обращений Комитета к И.А. Бунину»⁶⁵. Однако опасения Ефремова и Познера оказались напрасными: уже 24 января 1934 г. Ельяшевич сообщал Ефремову, что Комитетом по распределению пожертвований Бунина была «препровождена Союзу писателей и журналистов сумма в 10.000 франков», посредством которой предполагалось

⁶³ См.: <http://www.calames.abes.fr/pub/lacontemporaine.aspx#details?id=FileId-816> (дата обращения: 28.02.2019). Ряд материалов из этой, французской, части архива опубликован (см.: Кельнер В.Е., Познер В. Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. Т. 1, № 1. СПб., 1994. С. 269–313).

⁶⁴ La bibliothèque de documentation internationale contemporaine. F/DELTA/RES/0832/10/6/14-15. В оригинале выделенные курсивом слова подчеркнуты.

⁶⁵ Ibid. /14.

«удовлетворить, по возможности, всех лиц», обратившихся в Комитет помощи нуждающимся писателям и ученым⁶⁶.

Таким образом, Бунин все-таки выполнил просьбу Комитета о пожертвовании, хотя и сделал это «окольными путями». По-видимому, история с «возвратом» комитетских ссуд так его разозлила, что он уничтожил все ее письменные свидетельства⁶⁷: послания от Ефремова, Познера и Сватикова, полученные Буниным в его «нобелевские дни» и в итоге отложившиеся в его Парижском архиве, представляют собой традиционные поздравительные адреса⁶⁸.

Как бы то ни было, Сватиков — видимо, сознавая недостаточную основательность своих обличений, — открыткой от 4 февраля 1936 г. предостерегал Наживина: «Что касается Бунина, то я думаю, что опубликовывать его подвига не надо. Я сообщил Вам о нем, чтобы показать, что истина хуже беллетристики, но для публикации нужно было бы извлечь документы у С.В. Познера <...>, а он их глубоко запрятал. Без цитирования же точных выражений с обеих сторон начинать дело — неудобно»⁶⁹.

Вопреки предостережению Сватикова, Наживин хотел как можно скорее предать гласности новые «духовитые материалы» о Буinine (возможно, в виде брошюры), но затем отказался от этого намерения: у него возник замысел очередного романа, который должен был стать продолжением «Неглубокоуважаемых». В наживинском письме к тяньцзинскому издателю от 27 февраля 1936 г. есть такая фраза: «ПЕЧАТАТЬ ДОПОЛНЕНИЕ О БУНИНЕ НЕ НАДО: оно пойдет в другом месте. НЕ ЗАБУДЬТЕ»⁷⁰. А уже через четыре дня, 3 марта 1936 г., Наживин не без ехидства извещал Алданова: «...я их <материалы, порочащие Бунина> думаю пустить в оборот в следующем томе “Неглубокоуважаемых”, который для краткости думаю назвать просто “Сволочь”»⁷¹. Правда, несколько позже Наживин решил озаглавить том иначе. Сватикова он после 15 апреля 1936 г. уведомлял: «Так, “Песьюми мухами” думаю я назвать следующий том “Неглубокоуважаемых” — если будет время написать его»⁷².

⁶⁶ Ibid. /16–17.

⁶⁷ Мы имеем в виду соответствующие обращения к писателю от имени Комитета, проекты которых также хранятся в архиве Библиотеки современной международной документации.

⁶⁸ Сведения сообщены С.Н. Морозовым. Письма указанных лиц хранятся в РАЛ (MS. 1066/2334–2335; MS. 1066/4670; MS. 1066/5373–5374).

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 1–1об.

⁷⁰ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 7об. Курсив Наживина.

⁷¹ Там же. Ед. хр. 19. Л. 32.

⁷² Там же. Ед. хр. 44. Л. 3. «Песьи мухи» — выражение из Книги Исхода: «И сказал Господь Моисею: завтра встань рано и явись пред лице фараона. Вот, он пойдет к воде, и ты скажи ему: так говорит Господь: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение. А если не отпустишь народа Моего, то вот, Я пошлю на

В личном фонде Наживина в РГАЛИ сохранилась лишь одна страница, относящаяся к «Песьим мухам», — набросок дневниковой записи некоего Коли (вероятно, главного героя романа). В этой записи на новый лад повторяется то, что Наживин уже не раз писал об эмигрантской литературе и ее творцах, маститых и молодых, которых Коля, вслед за своим автором, называет «импотентами». О Бунине сказано всего несколько слов — опять-таки в духе «Неглубокоуважаемых» и обеих версий «Уездного моншера»: «Ванька Бунин с мучительным усилием выпускает толстенные тома своего Анабазиса, еще не сделав своего похода»⁷³. Но если раньше (в «Уездном моншере») под «Анабазисом» Наживин подразумевал «Жизнь Арсеньева», то теперь — «Собрание сочинений», которое в 1934–1936 гг. издавал «Петрополис».

Что стало с рукописью «Песей мух» (если таковая вообще существовала), неизвестно. Не исключено, что Наживин ее уничтожил. Столь же правдоподобной представляется и гипотеза В. Кудениса, согласно которой Наживин попросту не успел написать этот роман⁷⁴.

Как бы то ни было, к середине или концу 1936 г. Наживин, по-видимому, все-таки смирился с тем, что разрушить общественно-литературную репутацию Бунина ему не удастся. Или же он просто исчерпал свой антибунинский ресурс. Во всяком случае, ни «Освобождение Толстого», ни другие произведения нобелевского лауреата, написанные и опубликованные между 1936 и 1940 гг., Наживин вниманием не удостоил.

Автор считает своим долгом поблагодарить за помощь, оказанную при подготовке данной статьи, сотрудников РГАЛИ, ГАРФ, Отдела литературы русского зарубежья РГБ, а также лично Р. Дэвиса (РАЛ), С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН), Г.В. Прутцкова (МГУ), Д.-А. Хасан (МГУ), А.В. Вырковского (МГУ), Ю.Т. Веред (МГИМО).

тебя, и на рабов твоих, и на народ твой, и в дома твои песьих мух, и наполнятся дома Египтян песьими мухами и самая земля, на которой они *живут*. И отделю в тот день землю Гесем, на которой пребывает народ Мой, и там не будет песьих мух; дабы ты знал, что Я Господь среди земли. <...> Так и сделал Господь: налетело множество песьих мух в дом фараонов, и в дома рабов его, и на всю землю Египетскую; погибала земля от песьих мух» (8:20–24).

⁷³ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 12. Л. 1. Неясно, с каким из «Анабазисов» связана эта наживинская аллюзия. В эпоху античности были созданы два сочинения под таким заглавием — «Анабазис Кира» (автор — Ксенофонт) и «Анабазис Александра» (автор — Арриан).

⁷⁴ См.: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 280.

Литература

- Бабореко А.К.* Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М.: Скифы, 1993. 211 с.
- Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 2000. 640 с.
- Жожина О.* Литературное турне И.С. Шмелева по Прибалтике // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Под ред. И. Белобровцевой. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 241–253.
- И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., коммент. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл. В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 277–326.
- Кельнер В.Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. Т. 1, № 1. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 269–313.
- М. Горький и И.Ф. Наживин. Переписка / Вступ. ст., публ., примеч. Н.Н. Примочкиной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 617–664.
- Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 317–332.
- Трубилова Е.М.* Наживин // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 4 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 194–218.
- Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. Т. 1. / Под ред. М.Э. Грин; вступ. ст. Ю.В. Мальцева. М.: Посев, 2004. 304 с.

Reference

- Baboreko A.K. *Dorogi i zvony: Vospominaniia, pis'ma* [Roads and ringing: Memoirs, letters]. Moscow, Skify Publ., 1993. 211 p. (In Russ.)
- Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Political essays of 1918–1953], ed. by O.N. Mikhailov, intro. by O.N. Mikhailov, comment. by S.N. Morozov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 640 p. (In Russ.)
- Zhozhina O. Literaturnoe turne I.S. Shmeleva po Pribaltike [I.S. Shmelev's literary tour across the Baltic States]. *Russkie v Pribaltike: Sb. st.* [Russians in Baltic States: A collection of essays], ed. by I. Belobrovtsseva. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010, pp. 241–253. (In Russ.)
- I.A. Bunin i I.F. Nazhivin. *Perepiska* [Ivan Bunin and Ivan Nazhivin. Correspondence], publ., comment. by V. Kudenis, N.N. Primochkina, R. Davis, intro. by V. Kudenis. *S dvukh beregov. Russkaia literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From two shores. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 277–326. (In Russ.)
- Kel'ner V.E., Pozner V. Komitet pomoshchi russkim pisateliam i uchenym vo Frantsii (Iz arkhiva Solomona Poznera) [Committee for assistance to Russian writers and

scientists in France (from the archive of Solomon Posner)]. *Russian Studies*, vol. 1, no. 1. St. Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 1994, pp. 269–313. (In Russ.)

M. Gor'kii i I.F. Nazhivin. *Perepiska* [Maxim Gorky and Ivan Nazhivin. Correspondence], intro., publ., comment. by N.N. Primochkina. *S dvukh beregov. Russkaia literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From two shores. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 617–664. (In Russ.)

Pis'ma I.F. Nazhivina k I.A. Buninu (1919–1920) [Ivan Nazhivin's letters to Ivan Bunin (1919–1920)], publ. by V. Kudenis and R. Davis. *I.A. Bunin: Novye materialy. Vyp. I* [I.A. Bunin. New materials. Iss. 1], comp., ed. by O. Korostelev and R. Davis. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 317–332. (In Russ.)

Trubilova E.M. Nazhivin. *Literatura russkogo zarubezh'ia. 1920–1940. Vyp. 4* [Russian émigré literature. Iss. 4], ed. by O.N. Mikhailov, Yu.A. Azarov. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2008, pp. 194–218. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevniki I.A. i V.N. Buninykh i drugie arhivnye materialy: V 2 t. T. 1. [As spoken by the Bunins: I.A. and V.N. Bunins' diaries and other archival materials: In 2 vols. Vol. 1], ed. by M.E. Green, intro. by Yu.V. Mal'tsev. Moscow, Posev Publ., 2004. 304 p. (In Russ.)

**“The most bitter black-hundredist and bullhead,
he’s putrefied completely...”:
Ivan Nazhivin on Ivan Bunin (1930s)**

© 2019, Anton Bakuntsev

Abstract: The article reveals the reasons for Ivan Nazhivin’s hatred of Ivan Bunin, which became evident in the mid 1930s. The anti-Bunin campaign launched by Nazhivin is presented as a multi-pass combination. Nazhivin discredited the luminary of émigré literature in personal correspondence with Maxim Gorky, Mark Aldanov, Mikhail Osorgin, Sergei Svatikov, in critical-journalistic works which were intended for print, but remained unpublished, as well as in the novel “The Non-Highly-Regarded” (Tianjin, 1935). The article is based on little-known materials from RGALI, GARF, RAL and the Library of International Modern Documentation (La bibliothèque de documentation internationale contemporaine, Paris — Nanterre).

Keywords: Ivan Nazhivin, Ivan Bunin, émigrés, harassment, correspondence, “The District Moncher”, “The Non-Highly-Regarded”.

Information about the author: Anton Bakuntsev, PhD, associate professor, Moscow State University, Russia.

E-mail: auctor@list.ru

Citation: Bakuntsev Anton. “The most bitter black-hundredist and bullhead, he’s putrefied completely...”: Ivan Nazhivin on Ivan Bunin (1930s). *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 254–275. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-254-275